

Aussiedlern // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 1993. – 26 Nov. – S. 23–30.

²²См.: Info-Dienst / Informationen des Beauftragten der Bundesregierung fuer Aussiedlerfrage.

Надійшла до редколегії 05.03.05

Х. Л. Дик, Д. Р. Стейплс

*Центр российских и восточноевропейских исследований (Торонто)
Вашингтонский государственный университет*

**РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВЫВОДЫ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ
В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ
И СОВЕТСКИХ МЕННОНИТОВ.
ВЗГЛЯД ИЗ УНИВЕРСИТЕТА г. ТОРОНТО**

Наведений огляд досягнень новітньої менонітської канадсько-американської історіографії в галузі проблем історії російських та радянських менонітів. Визначені основні тенденції її розвитку та проаналізовані основні методологічні підходи до дослідної роботи в даній галузі.

На какой стадии находятся в данный момент исследования в области истории российских и советских меннонитов? Действительно ли за последние четырнадцать лет мы достигли новых высот в изучении кардинальных проблем в нашей, относительно маленькой, дисциплине? И знаем ли мы действительно, что собой представляет эта дисциплина? Существует даже мнение, что, несмотря на появление огромного количества новых источников и новых вопросов, наше общее представление о предмете остается неизменным. Тем не менее мы обязаны выяснить и определить новые веяния в исследованиях, относящихся к истории российских и советских меннонитов. Так сложилось, что традиционные категории и научные подходы меняются, когда происходят следующие изменения: неожиданное открытие большого количества новых документальных источников или появление новых вопросов и проблем. Нам хорошо известно, что произошло, когда мы столкнулись с этими изменениями.

Доступ к документальным источникам на территории бывшего СССР ошеломил нас и заставил изменить традиционные взгляды. Мы помним, как среагировали на первую волну документов, которые взволновали и даже ужаснули нас. Казалось, как будто мы пережили вновь тот далекий и незабвенный момент, когда впервые открыли архивный документ. Читая новые архивные источники, мы поначалу не могли найти главной нити, видя только разрозненные детали. Прошли месяцы, и даже годы, прежде чем мы смогли определить смутные контуры новой истории меннонитов. Говоря более определенно, мы ожидали увидеть так называемый меннонитский вопрос на задворках российской и советской истории. Со временем, однако, разочарование уступило место восторгу и сознанию того, что все, что мы знали до этого, было своего рода фикцией. В конце концов в массе найденных материалов проступило рациональное зерно. Но прежде чем это случилось, мы в отчаянии пересматривали огромные кипы документов в надежде найти путеводную звезду, чтобы ответить на бесчисленные вопросы. Действительно, могли ли документы о социальной и экономической истории, просопографии и психологии открыть новые страницы, относящиеся к истории меннонитов? Да, но прошли годы, прежде чем мы могли утверждать, что можно спроектировать новые данные на старые догмы.

В итоге мы можем заявить, что огромное количество документальных источников по истории меннонитов является уникальным в области изучения российских и советских национальных меньшинств. Ни одна этно-религиозная или национальная группа так скрупулезно не регистрировала события своей истории и ни в одном другом случае государство так пристально не наблюдало за национальным меньшинством. Поэтому нам кажется, что изучение истории меннонитов представляет собой необозримое поле деятельности для изучения царского и советского государств и их отношений с национальными меньшинствами. Однако, если посмотреть пристально, немногое изменилось в изучении истории меннонитов, особенно по сравнению с теми радикальными изменениями в области истории царской и Советской России. Там, где историки, занимающиеся меннонитами, не смогли проигнорировать новые документальные источники, они просто попытались «втиснуть» их в традиционные формулы и концепции.

Одним из таких примеров подхода к истории является так называемая формула «меннонитской общности», предложенная Давидом Ремпелем. В серии статей в различных меннонитских журналах Ремпель сконструировал картину меннонитского общества в царской России, полностью изолированного от внешнего мира. Таким образом, достижения меннонитов, как и их окончательная судьба, явились результатом этой изоляции. Такой подход стал традиционным. Однако, как случается со многими традициями, начальная оригинальность формулы Ремпеля постепенно затерялась в многочисленных идеологических формулировках, предложенных его учениками. Увы, архивные документы опровергли эти формулировки. Тем не менее, формула Ремпеля помогает нам увидеть особенности меннонитов по сравнению с другими меньшинствами. Таким образом, возникает вопрос: «Был ли Ремпель прав?».

Нам кажется, что идея изолированности меннонитов во многом затормозила развитие меннонитской историографии. Например, такой подход охладил интерес историков, особенно в немнононитских академических кругах, поскольку он резко ограничил возможность трактовки целостности всего российского и советского общества. В результате как таковая история меннонитов свелась к повторению стереотипных вопросов и ответов, взятых из опубликованных источников на немецком языке, с примесью сентиментализма и морализма. Историки, работавшие над более глобальными темами, естественно, не смогли найти ничего нового в такого рода исторических работах, которые не освещали отношений меннонитов как с другими меньшинствами, так и с государством. В итоге, история меннонитов писалась людьми, которые интересовались только тем, что происходило внутри меннонитского общества. Таким образом, изолированность меннонитов стала фундаментом историографии темы.

Чтобы попытаться понять, почему такая узкая трактовка вопроса стала доминирующей, мы должны обратиться к эволюции меннонитской историографии на Западе. Первое поколение меннонитских историков-эмигрантов трактовало жизнь меннонитов в царской России в исключительно положительных тонах, а большевистский период – в негативных. Однако в 1960–1980 гг. второе поколение – небольшая группа, сконцентрировавшаяся вокруг журнала «*Journal of Mennonite Studies*», представило несколько другую картину. Такое явление уди-

вительно, поскольку эта группа явилась первым на Западе звеном профессиональных исследователей. Но исследователей чего? Ни один из них не изучал российскую или советскую историю. Большинство не знало русского языка. Тем не менее они с энтузиазмом принялись за работу без ясного концептуального понимания проблемы.

Вскоре эта группа пополнилась хорошо образованными людьми с высоким интеллектуальным потенциалом, большинство которых было не меннонитского происхождения. Их лидером стал Джеймс Ури. Ури и его сподвижники испытывали глубокое уважение к работе Ремпеля и были полны решимости применить его научный подход к более широким социально-научным параметрам.

Антрополог, получивший образование в Оксфорде, Ури сконцентрировал свое внимание на т.н. культурах в изоляции, т.к. история меннонитов казалась ему классическим полем антропологического исследования. Он предпочитал рассматривать социальную историю как противоборство эксплуататоров и эксплуатируемых, и с таким подходом трактовка Ремпеля казалась ему исключительно богатым полем деятельности. Действительно, Ремпель основывал свой подход на пристальном изучении поселения Нижняя Хортица, с его скупыми помещиками, угнетенными, безземельными крестьянами и нарастающим социальным и классовым противостоянием.

Одно дело просто вынашивать идею, совсем другое – когда идея становится основанием научного исследования и приобретает последователей. Ведь большинство идей, даже очень толковых, умирает, не получив воплощения. Только немногие становятся движущей силой науки. Так и случилось с идеями Ури, которые получили широкое распространение.

Ури предложил меннонитам, да и не только им, готовый ответ, доступный по своей простоте и изящности. Российские меннониты, утверждал Ури, были членами привилегированных классов, и сам характер царского общества сделал их эксплуататорами. Советский период, несмотря на всю его трагичность, был необходимой корректировкой этой социальной несправедливости. Говоря религиозным языком, меннониты были наказаны за свои грехи. Такая интерпретация явилась альтернативой той, которую предлагала старая школа ученых-эмигрантов 1920–1930-х гг., представителями которой были

Корнелиус Кран, Франк Эпп и, конечно, Ремпель. Современным представителем этой школы является Джон Б. Тейвс.

Тейвс был первым профессиональным историком, который нашел, упорядочил и опубликовал документальные источники по истории меннонитов раннего советского периода. Он также собрал бумаги Б.Б. - Янца, использовал протоколы Попечительского комитета по делам иностранцев в южной России и первым продемонстрировал монолитную идеологическую связь между многотомными коллекциями писем меннонитов. В результате появилась интерпретация истории российских и советских меннонитов, которая подтвердила идею Якова Нойфельда о том, что меннониты пали жертвой революционной эпохи, мишенью закаленного в гражданской войне большевизма.

Тейвс воспринял историю в прямом смысле, т.е. он утверждал, что меннониты частично были виноваты в той широкомасштабной трагедии, которая разыгралась в России. Таким образом, меннонитские отряды самообороны были не только грехом, но и глупостью. Меннониты были слишком сконцентрированы на себе и своем благосостоянии. И хотя мы можем спорить со взглядами Тейвса, его самоотдача в архивных изысканиях, особенно в 60-е времена, когда такой подход был не особенно популярен в меннонитских научных кругах, заслуживает нашего глубокого уважения.

Настало время уяснить, что в действительности демонстрируют архивные документы. На этот вопрос мы попытаемся ответить следующим образом. Исходя из документов:

1) меннониты никогда не были изолированы от общества, в котором они жили;

2) меннониты, как целостность, никогда не были эксплуататорами.

Привязка термина «эксплуататоры» зиждется на редукции меннонитизма к ограниченному кругу беспринципной элиты, стремящейся стать частью господствующего класса и копирующей манеры и привычки повсеместно ненавидимого помещичьего сословия. Надо отметить, что такая трактовка полностью соответствовала традиционным советским клише, предложенным, например, Е. И. Дружининой.

Конечно, нельзя отрицать, что такая точка зрения в некоторой мере отражала действительность, но только в отношении малой группы меннонитов. Однако ни один человек, кому знакомо описание Нижней Хортицы Ремпелем, не поверит, что это касается всех меннони-

тов. На самом деле меннонитское общество было очень многолико, и абсурдно мерить одной меркой помещиков и безземельных крестьян, хозяев заводов и заводских рабочих, мельников и грузчиков. Достаточно взглянуть на обзор устных источников, собранных Светланой Бобылевой и ее коллегами, чтобы понять, что такая трактовка истории меннонитов является попросту вымыслом. Например, украинские крестьяне в подавляющем большинстве не считали меннонитов эксплуататорами. Таковыми их считали советские пропагандисты и вышеуказанная группа западных исследователей.

Если говорить об изоляции меннонитов, то это тоже фикция. С самого момента прибытия на Украину, меннониты не самоизолировались, а адаптировались к окружающей среде, местным экономическим условиям и соседям. Постепенно они адаптировались и к рынку и, развиваясь в такт с царской и международной экономикой, становились более зажиточными, как и их соседи. И, наконец, они адаптировались к государству, выступая поначалу как его субъекты, а в последствии и как представители царской администрации. Везде и во всем история меннонитов была историей их адаптации, а не изоляции. Казалось, что с открытием советских архивов изоляционные и эксплуатационные стереотипы уйдут в небытие. Однако меннонитская историография умудрилась сделать то, чего не удалось меннонитам – она оставалась самоизолированной и замкнутой в себе. Так с чем же мы остаемся? Как сможем мы рассмотреть историю меннонитов не в локальном, а в глобальном масштабе?

Мы по-прежнему считаем, что открытие архивов дает нам такую возможность, и на этой конференции мы видим ростки новой меннонитской истории. Существует два основных течения в изучении проблемы. Одно опирается главным образом на архивные документы, но не имеет базовой концептуальной основы, другое – на идеологические догмы, не подкрепленные архивными документами. Эти два течения начали процесс слияния. Сегодня мы видим рефераты, базирующиеся как на традиционной методологии предмета, так и на документальных источниках. Изменения происходят не только здесь. Хотя мы остро критиковали «*Journal of Mennonite Studies*», следует указать, что в последнее время публикации журнала отмечены новыми прогрессивными веяниями. Однако мы должны добиваться большего. Мы должны постоянно и неуклонно обращаться к архи-

вным источникам, центральным и региональным архивам, архивам в Украине, России и Казахстане, а также в других возможных архивах. И, конечно же, мы не должны забывать о западных архивных источниках, интерпретация которых так же важна, как и советских.

Мы должны обратиться к методологии вне меннонитской историографии. Изучение предмета должно стать многоплановым. Мы должны задаться вопросом, что представляло собой российское общество, составной частью которого были меннониты. Какую роль играла эта составная часть в российской и советской истории в целом? Какую роль играли меннониты в межнациональных и этнических отношениях? Какие отношения были у меннонитов с евреями? С болгарами? С немецкими колонистами? Представляли ли эти отношения одну целостную страницу или несколько отдельных страниц? Отношения меннонитов с немецкими колонистами особо интересны. Новые исследования в бывшем СССР трактуют историю меннонитов и немецких колонистов как одно целое и таким образом ограничивают исследования в области собственно меннонитской истории. В самом сердце южной Украины, в Запорожской области, имеются богатые архивные источники о меннонитских и немецких колонистских поселениях. Настало время объективно выяснить, была ли история меннонитов составной частью истории немецких поселений, или же это отдельная глава.

Следует критически взглянуть на отношения между главными и дочерними поселениями меннонитов. Имеем ли мы дело с одной целостной структурой или несколькими? По сей день главные и дочерние поселения рассматриваются как одно целое. На сегодня мы располагаем архивными источниками как об одних, так и о других. Что именно говорят эти источники? Действительно ли имелось в наличии четкое социальное разграничение меннонитского общества, о котором мы так много слышали? Если да, то в какой степени? Существовала ли возможность продвижения по социальной лестнице?

Что скажут нам архивные источники о национализме и национальном развитии? Можно ли сравнить построение советского государства с западными примерами того же периода? Была ли судьба меннонитов схожа с судьбой других меньшинств, или все они имели разные судьбы? Является ли разбросанность меннонитов по территории бывшего СССР уникальной?

Необходимо выяснить, имеем ли мы дело с российской историей или европейской. Меннониты жили на стыке двух миров – Востока и Запада, но принадлежали к каждому только частично. Значит ли это, что их история является уникальным полем исследования и Востока, и Запада?

Конечно, настоящая статья только резюме того, что сделано, и того, что может быть сделано в будущем. Мы назвали ее «взглядом из Торонто», и думается, что в заключение нужно упомянуть наши собственные недостатки. История меннонитов в царской России не изучается как предмет в нашем университете. Более того, после ухода на пенсию Джона Тейвса, ни в одном канадском университете нет специалиста по истории российских и советских меннонитов. Какие могут быть перспективы, если нет ведущего в данной области?

На Украине и в России больше специалистов по предмету, чем в Канаде. Однако есть опасения, что участие западных исследователей в научной деятельности на территории бывшего СССР не всегда было позитивным. В какой-то степени хорошо финансируемые западные исследователи оказали давление – пусть поневоле – на изыскания наших российских и украинских коллег. Возникает вопрос (здесь мое мнение и точка зрения Харви резко расходятся. – Д. С.), а что, если, настаивая, чтобы наши коллеги изучали отдельно историю меннонитов и немецких колонистов, мы игнорируем определенные общности двух меньшинств? Может ли быть, что, предлагая гранты за изыскания в меннонитской истории, мы продолжаем традиции «меннонитской общности»?

Несмотря на все это, мы верим, что у предмета есть светлое будущее. Мы с восторгом наблюдаем за появлением новых аналитических перспектив на Западе и в бывшем Советском Союзе. Мы воодушевлены тем, что наконец-то Джон Тейвс пользуется заслуженным уважением в нашей академической среде. Мы радуемся новым архивным открытиям и надеемся, что история меннонитов является потенциалом в области изучения истории России и Советского Союза.